

А.Д. Каксин

DOI: 10.25693/SVGV.2021.36.3.008

УДК 811.511.142'37

Эвиденциальная семантика и средства ее выражения в казымском диалекте хантыйского языка

Научная новизна. В статье предлагается разделение сферы эвиденциальности на отдельные составляющие, в том числе выделение отдельно адмиративных значений. Основными эвиденциальными значениями, грамматически оформленными в казымском диалекте хантыйского языка, признаются следующие: пересказ, ссылка на авторитетное мнение или общие истины, суждение о действии по результату (по следу), логическое умозаключение, неожиданное обнаружение каких-либо фактов. Уточняется, что последнее значение (адмиративное) реализуется в казымском диалекте в двух основных вариантах: изумление при виде неожиданных или необычных действий, восхищение какими-либо событиями, свойствами и качествами окружающих лиц и предметов.

Цель – определить место и роль различных средств, имеющихся в казымском диалекте хантыйского языка, в выражении эвиденциальной семантики. *Задачи:* провести анализ и систематизацию средств выражения эвиденциальности в казымском диалекте хантыйского языка; провести анализ оттенков (коннотаций) адмиративного значения; проанализировать высказывания с адмиративным значением от носителей казымского диалекта хантыйского языка; привести материал по функционированию специальных глагольных форм в основных адмиративных контекстах; указать на важную роль других средств (имеющих потенциал для участия в выражении эвиденциальных значений).

Методы исследования. Основной метод исследования – синхронно-описательный. В качестве вспомогательных методологических средств выступают приемы грамматического анализа и контекстуального анализа текста.

Результаты: обоснована важнейшая роль форм глагола и специальных лексем в выражении эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка; в качестве специализированных (т.е. выражающих преимущественно адмиративные оттенки) названы семантико-синтаксические конструкции с глаголом $v\ddot{o}l=m$; указано на конституирующую роль таких средств казымского диалекта, как определенного рода частицы (*śi* ‘так; ведь; вот; уже; ну и’, *neś* ‘оказывается; однако’, *pa* ‘же’), некоторые междометия, специфическая интонация.

Ключевые слова: языковые универсалии, эвиденциальность, адмиратив, средства выражения, казымский диалект хантыйского языка

I. Введение. Статья посвящена обоснованию важнейшей роли форм глагола и специальных лексем в выражении эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка. Объектом исследования являются семантико-синтаксические конструкции, в которых выражаются различные значения и оттенки (или коннотации) эвиденциальности: пересказ, ссылка на чужое мнение, суждение о действии по результату (по следу), логическое умозаключение, удивление при неожиданном обнаружении и другие.

Предполагая осмыслить содержательную сторону категории эвиденциальности, исследователь всегда сталкивается с вопросом: в чем

глубинные, исходящие из необходимости категоризации мира, истоки появления категории эвиденциальности? Или: почему теми же формами, которыми выражались такие значения, как название действия по звуку (аудитив), стали выражаться и другие смыслы (которые сейчас входят в число эвиденциальных)?

Основное назначение форм категории эвиденциальности – указывать на то обстоятельство, что сам говорящий не является источником сведений, он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т.п.). Следует обратить внимание на то, что в самых

разных языках выражается один яркий оттенок эвиденциальности – неожиданное обнаружение действия или замечательных свойств кого-либо / чего-либо. Во втором случае это обнаружение может быть констатирующим, или ироническим («случайным»), или преднамеренным, т. е. якобы неожиданным (например, в устойчивых формулах лесты / восхваления).

Категория эвиденциальности представлена во всех языках, так как имеет большое прагматическое значение: она позволяет говорящему сделать отсылку, не выставляя себя в качестве первого и/или единственного источника информации. Семантика ядерных средств ее выражения укладывается в формулу В.А. Плуныяна: «эксплицитное указание на *источник сведений говорящего* относительно сообщаемой им ситуации» [Плуныян, 2000, с. 321].

Считаем, что для периферийных коннотаций эвиденциальности подойдут некоторые другие, дополнительные, формулировки типа: эти формы указывают на «убежденность говорящего в чем-либо» или, напротив, выражают «отрыв от действительности», «отгораживание / отвлечение от произносимой информации», «потрясение от неожиданного действия», «явное или наигранное изумление, восхищение».

Обращение к конкретному материалу предполагает обнаружение наиболее релевантных признаков эвиденциальной системы того или иного языка (или диалекта). Применительно к казымскому диалекту хантыйского языка мы ставим задачу обнаружить эвиденциальные значения, для выражения которых используются грамматические (прежде всего морфологические) и специализированные лексические средства.

II. Материалы и методы. Материалом для анализа являются конструкции из текстов, содержащихся в печатных источниках, а также фразы разговорной речи, записанные автором в селе Казым Ханты-Мансийского автономного округа.

Основной метод исследования – синхронно-описательный. В качестве вспомогательных методологических средств выступают приемы грамматического анализа и контекстуального анализа текста.

III. Результаты. Содержание категории эвиденциальности шире понятия наклонения, и в поле зрения исследователя, кроме морфологи-

ческих форм, попадают и синтаксические конструкции (в т. ч. с именным сказуемым), и лексические средства. Средства выражения эвиденциальности в хантыйском языке образуют систему, состоящую из трех основных подсистем:

1) формы эвиденциалиса (неочевидного наклонения); по сути это формы, которые в системе зависимой предикации являются нефинитными (т. е. они являются сказуемым зависимой части); становясь главным сказуемым, подобная форма выражает какое-либо эвиденциальное значение. В роли финитного (конечного) сказуемого способны выступать оба хантыйских причастия (с показателями *-m* и *-t*), а также деепричастие на *-man*:

Liw älmõnti wera ši päl=t=el ‘Они словно бы сильно боятся’; *Wana juχatsüw: owl, mätte, tutaman ruṅ-man* ‘Подошли ближе: дверь, оказывается, на замок закрыта’.

Xalewta jis. Aləṅ saχat noχ kilmewn, naj tur wurtel et=m=al [Steinitz, 1975, с. 61] ‘Наступило утро следующего дня. Когда утром встали, край солнца только *показался, оказывается*’; *Poslaṅ joχ jaṅ χujn, χol'maṅ χujn i χора let=m=el* [Steinitz, 1975, с. 64-65] ‘Люди по десять, по тридцать человек в одну лодку *сели, оказывается*’.

2) лексемы: междометия, частицы, слова других частей речи (в т. ч. вводные):

Täm jisn χänti ṅawremat röt jasneḷ, mätte, änt wöteḷ ‘В настоящее время дети-ханты родной язык, *оказывается, не знают*’; *Jis purajṅ, janapa, mir šiti wöḷmeḷ, neš* ‘В старину, *действительно, люди так жили, оказывается*’; *Tõ, tämaš sorni χätlije ši tiwmaḷ!* ‘Во, такой замечательный день *вот выдался, оказывается!*’

В этом разряде особую роль играют частицы, выражающие удивление (при неожиданном обнаружении чего-либо), субъективную передачу чужой речи (также с оттенком удивления, изумления): *neš* ‘оказывается’, *mäl* ‘же, ведь’ и др. Примеры: *näṅ neš* ‘ты, *оказывается*’, *jiṅki neš* ‘влажный, *оказывается*’, *äṅ χotlan neš* ‘не умеешь, *оказывается*’, *mõšitten neš* ‘болеешь, *оказывается*’; *ḷüw mäl šiweḷt ši šõšilas!* ‘он ведь в ту сторону и ходил!’

Лексические средства выражения эвиденциальности, имеющиеся в хантыйском языке, составляют особый класс слов и должны рассматриваться в первую очередь и отдельно именно как лексемы: это единицы словаря, хотя

и разные по статусу и частоте употребления. Одни включаются в состав аналитических форм или входят в круг служебных слов (как *pa* 'ведь; же', *ki* 'бы' и некоторые др.), другие вводятся в предложение («в своем полном» значении (*нэши* 'оказывается', *мйттэ* 'оказывается; якобы' и др.).

3) комбинированные семантико-синтаксические конструкции создаются с участием средств, способных взаимодействовать, сочетаться (вступать в комбинации, образуя нечто цельное, структурно-смысловое единство). Подобные конструкции превалируют в разговорной речи (в этом случае еще «накладывается» интонация). Встречаются они и в публицистических, и в художественных текстах. Часто комбинированными средствами хантыйского языка ситуация одновременно оценивается с точки зрения ее очевидности (или неочевидности) и степени уверенности говорящего лица в достоверности сообщения:

Kõrtal ewalt x̣ẉwašak jāŋx̣ti šom pa änt täjtal!
'От деревеньки своей далеко отойти сил даже, скорее всего, не имеет!'

Еще одной распространенной разновидностью являются конструкции с модальными словами типа *wer* 'дело', *šom* 'возможность, сила', *piš* 'возможность'.

Предназначены подобные лексико-синтаксические конструкции в основном для выражения различных оттенков возможности, необходимости, долженствования (т.е. оттенков модальности), но при определенных условиях в соответствующем контексте могут дополнительно выражать и значение эвиденциальности:

Keši pa joša ẉj̣j'ati pišl äntõ! 'Нож даже в руки взять возможности, видимо, не имеет!';
Nāŋ, k̄āšnaraŋal, š̄i rogi x̣ota mānti w̄ren wõl! 'Ты, оказывается, на эту свадьбу идти намерен!'

Итак, при выражении эвиденциальности говорящий намекает, что он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т.п.). Далее для иллюстрации приводятся примеры казымского диалекта хантыйского языка (преимущественно из наших записей разговорной речи).

Предваряя изложение наших результатов, приведем суждения о неочевидном наклонении в близкородственном хантыйскому языку ман-

сийском языке. Эти положения содержатся в начале и концовке статьи известного финно-угроведа Е.К. Скрибник:

«Для мансийского ... языка характерно предикативное употребление причастных форм; в роли финитного сказуемого зафиксированы все три мансийских причастия – настоящее-будущего времени на -н, прошедшего времени на -м, прошедшего времени пассивное на -им(а)». Указанные формы – миративные, т.е. это «формы передачи информации..., не вписывающейся в картину мира говорящего» [Скрибник, 1998, с. 197–212].

В казымском диалекте хантыйского языка аналогичными формами выражается и то значение эвиденциальности, которое мы сейчас рассматриваем: неожиданное обнаружение действия или замечательных свойств кого-либо / чего-либо. Эту семантическую вариацию можно назвать адмиративной, и проявляется она по-разному в зависимости от ситуации. Основных коннотаций две: неожиданное обнаружение действия и (часто неприятное) открытие каких-либо качеств разных людей (и предметов). Во втором случае это обнаружение часто может быть ироническим, преднамеренным или констатирующим, якобы неожиданным (например, в устойчивых формулах лесты / восхваления); ср. русск.: *Ты, конечно, спору нет; Ты, царица, всех милее, всех румяней и белее* (А.С. Пушкин); *О, мудрейший, слава о тебе идет по всей Земле!*

На материале казымского диалекта хантыйского языка более подробно рассмотрим несколько оттенков (коннотаций) адмиративного значения. Само это значение в общем виде формулируется как «удивление, изумление при обнаружении чего-то необычного, удивительного». Во всех подобных случаях за источник информации выдаются сами обстоятельства, при которых стало известно о ситуации: восприятие органами чувств внезапного действия, изумление при догадке о каком-либо событии, восхищение чем-либо, достойным восхищения (на чей-то взгляд) неожиданное обнаружение чьих-то отличительных черт, выдающихся качеств.

Выше было упомянуто, что в качестве иллюстраций мы часто приводим отрывки из наших записей разговорной речи казымских ханты. В структуре таких фраз глагольной формы может

не быть, но чаще всего глагол присутствует. Больше всего в нашей подборке предложений, в которых присутствует служебный (вспомогательный) глагол *völ-* ‘быть, существовать, наличествовать’. Можно отметить и некоторые синтаксические особенности (в построении искомым фраз-предложений). Так, в наших записях представлено много примеров, представляющих два синтаксических типа: конструкция может осмысливаться как активная или пассивная (различие между активной и пассивной конструкцией осуществляется и на уровне глагольной формы, но только в 3-м лице). Есть свои нюансы в отношении темпоральности: в равной степени используются обе грамматические формы времени, но часто реальное настоящее выражается при форме прошедшего времени (в этом случае налицо, видимо, перфект).

Начнем с фраз, в которых используется та или иная глагольная форма (во всех случаях имеется морфологический показатель эвиденциальности).

Käj, xətlev vera ši xətl'a=t=al! ‘Ох, как солнце ярко уже светит, оказывается!’

Говорящий изумляется при обнаружении яркого света солнца (можно предположить, что действие происходит летом, яркий свет солнца – ожидаемая ситуация, просто говорящий только сейчас это заметил). Нужно отметить, что важную роль в данном случае (как и во многих последующих) играют междометия и восклицательная интонация, с которой произносится фраза.

Lüv muj xətaś atma neri=t=al?! ‘Он, что, как-то плохо себя ведет, что ли?!’

Näj oħenan töp išak jasaŋ mǎn=t=al! ‘О тебе только хвалебные речи ведут, однако!’

Väj, ši arat ši voś=m=an nin! Jankem xir, isipa!? ‘Ну, и набрали вы ягод, оказывается! Мешков десять, наверное?!’

Говорящий удивлен темпами сбора ягод людьми, к которым он приехал. Глагол – в форме прошедшего времени эвиденциалиса. Следует отметить, что здесь, как и в предыдущем примере, значительна роль полифункциональной частицы *ši* ‘и; ну; вот; ну и; вот и; как; да’.

I-i, muj arat xəñ, tǎm, pit=m=em! ‘О, как много рыбы нам попало, оказывается!’

Формально конструкция пассивная (глагол стоит в соответствующей форме, содержится имя объекта в местно-творительном падеже:

huln ‘рыбой’), но семантически воспринимается как активная. На русский язык для усиления эвиденциального значения переводим с помощью маркера ‘оказывается’ (хотя подходит и слово ‘однако’).

Väj, ši xərasup utatn nǎŋ moĵlu=m=en! ‘Ух ты, какие замечательные вещи тебе подарены, оказывается!’

Здесь конструкция пассивная; адмиративное значение создается, как и в предыдущих случаях, употреблением эмоциональных междометий, частиц, местоимений, наречий меры и степени (*vera* ‘очень’, *ši arat* ‘так много’, *ši xərasup* ‘какой бесподобный’ и др.).

Tǎm, muj xərasup vön söx xəj=m=al, vanta! ‘Вот какой большой осетр попался, смотри!’

Ja, in tǎm kelen šit taka ši möħas=m=al! ‘Да, ну и связалась (крепко в узел) эта веревка!’

Öt, nin vüş tǎm joħmana jaŋ=m=an! ‘О, да вы уж до этого бора ходили, оказывается!’

Рассмотрим другой ряд примеров, иллюстрирующих реализацию адмиративного значения в казымском диалекте хантыйского языка. Обратим внимание на то, что почти во всех случаях во фразе присутствует вспомогательный бытийный глагол в форме прошедшего времени эвиденциалиса (показатель *-m-*). Эвиденциальность проявляется в следующем: в ситуации восхищения чьими-то качествами, свойствами говорящий, действительно, желает выразить мысль о том, что «не только я, а все вокруг уверены в этом»:

Ši pa völ=m=en! ‘Какой же всё-таки ты (нехороший)!’

Эта фраза применяется почти всегда, когда некто открывается с нехорошей стороны. Следующий ряд примеров также иллюстрируют вышесказанное.

Ši pirś iken ši pa kösaŋ völ=m=al! ‘Этот старик до чего же выносливый, оказывается!’

Интересный пример – следующий: некто рассказал своему брату о том, как он долго хранил присылаемые продукты, не делясь ни с кем. Ответной репликой брата было:

Ši pa śakar iki nǎŋ völ=m=en! ‘Какой же всё-таки скупой ты был, оказывается!’

В этом случае вполне уместно понимать время, выраженное в глаголе, как действительно прошедшее (если человек изменился и сейчас он не скупой). Но в большинстве случаев при

использовании формы прошедшего времени выражается фактическое настоящее:

Pa śi ľuv piľala mǎnum utľ *utšam* χö vöľ=m=al!
‘И тот, увязавшийся за ним, дурачком оказался!’

Ma χuti nömāssum – ľuv śimaś śi vöľ=m=al!
‘Как я и думал – он таким и оказался!’

Vǎj, muj χurasup sorni müvĵenan ľiv śi vöľ=t=el! ‘Ох, на какой же благодатной земле они живут, оказывается!’

Śi χuti nūmsaŋ pa veśkat ľuv vöľ=m=al! ‘А он ведь такой умница, такой честный человек!’

Jina, śi saŋχumľan šeŋk kǎrśat pa šivaŋ śi vöľ=m=el! ‘Да, действительно, эти обрывы оказались высоки и мрачны!’

Одной из самостоятельных разновидностей адмиративности является оттенок разочарования: согласно предшествующему опыту или предварительной информации говорящий (или другой участник события) ожидал одно, а реально наблюдается совсем другое.

T’e, muľti vürn tāta iśki, χośumľi vöľ=m=al!
‘Эх, как холодно, неуютно здесь, оказывается!’

Hǎj, muľti pǎta śit tiv termatĵsüv?! Voňsumat tāta äntöm vöľ=m=al! ‘Ну вот, и зачем мы сюда спешили?! Ягод-то и нет здесь, оказывается!’

Vante, tāta šop uśχüľ’ vöľ=m=al!? Pa nǎŋ änt evaľsan! ‘Ну, что, весело здесь, оказывается!? А ты не верил!’

Иногда указанная ситуация корректируется немного в другую сторону: думаешь о чем-то привычном, имеешь в голове какое-то устоявшееся (отрицательное, негативное) мнение, а выходит наоборот.

Vante, muj uśaŋ šivi ampĵe vöľ=m=al! ‘Ты смотри, какая умная собака оказалась!’

Sora śi nǎŋ ĵuretu=m=en! Ma śit in vöŋta nömľem ‘Быстро же ты забыл, однако! Я вот до сих пор помню’.

Наконец, в казымском диалекте (особенно широко – в разговорной речи) обнаруживается много случаев, когда во фразе отсутствует любая глагольная форма. В этом случае адмиративное значение (о некоем событии, свойстве стало известно случайно, неожиданно; это было открытием) вытекает исключительно из контекста, определяется в основном интонацией:

Śi pa tak sǎmup ľuv χö! Nemaľtĵn änt paknaľen!
‘Какой же он смелый человек (оказался)! Ничем его не напугаешь!’

Jina, vön, χüv pajli müvat evaľt – isa ĵǎm numas!
‘О, от широких просторов – всегда успокоение (умиротворение)!’

Muj, küš kera ĵĵup ľöχas versan, aŋken-aśen töp numasn śi! ‘Что, хоть новых друзей завел, только мать и отец на уме?!’

Jis purajŋ, ĵinara, mir śiti vöľmeľ, neś ‘В старину, действительно, люди так жили, оказывается’

T’ö, tāmaś sorni χǎľĵe śi tivmaľ! ‘Во, такой замечательный день вот выдался, оказывается!’

Körtaľ evaľt χüvaśak ĵǎŋχti śom pa änt tāĵtaľ!
‘От деревеньки своей далеко отойти сил даже, скорее всего, не имеет!’

Keśi pa ĵoša vüĵ’ati piśľ äntö! ‘Нож даже в руки взять возможности, видимо, не имеет!’

Nǎŋ, kǎšnaraŋľ, śi porĵi χota mänti veren vöľ! ‘Ты, оказывается, на эту свадьбу идти намерен!’

В статье обоснована важнейшая роль форм глагола и специальных лексем в выражении эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка. Проанализированы высказывания носителей казымского диалекта хантыйского языка и наиболее релевантными, имманентно присущими системе хантыйского языка, признаны следующие: пересказ, ссылка на авторитетное мнение или общие истины, суждение о действии по результату (по следу), логическое умозаключение, неожиданное обнаружение каких-либо фактов. Определено, что последнее значение (адмиративное) реализуется в казымском диалекте в двух основных вариантах: изумление при виде неожиданных или необычных действий, восхищение какими-либо событиями, свойствами и качествами окружающих лиц и предметов.

В качестве специализированных, выражающих преимущественно адмиративные оттенки, названы семантико-синтаксические конструкции с глаголом *vöľ=m*, конструкции типа *Śi piśľ iken śi pa kösaŋ vöľ=m=al!* ‘Этот старик до чего же выносливый, оказывается!’ Указано также на конституирующую роль таких средств казымского диалекта, как определенного рода частицы, некоторые междометия, специфическая интонация.

IV. Обсуждение. К определению места и роли категории эвиденциальности в общей системе языка лингвисты подходили с разных направлений. Существует множество описаний эвиденциальных значений и форм в конкретных

языках, в т. ч. и уральских [см., напр.: Скрибник, 1998; Цыпанов, 2005, с. 154–165; Кузнецова, 2007, с. 85–86; Ильина, 2009; Урманчиева, 2016].

Обсуждение данной проблематики завершилось признанием необходимости разводить модальность и эвиденциальность и четко структурировать собственно эвиденциальную сферу, которая во всех языках проявляется как внутренне неоднородная. Перечисление семантических разновидностей эвиденциальности содержится как в трудах по общему языкознанию, так и в работах, посвященных отдельным языкам или группам языков [см., напр.: Козинцева, 1994; Плунгян, 2000, с. 321–325; Ильина, 2013; Агранат, 2016, с. 130–138].

Категория эвиденциальности представлена во всех языках, так как имеет большое прагматическое значение: она позволяет говорящему сделать отсылку, не выставляя себя в качестве первого и/или единственного источника информации. В современных языках есть много других оттенков эвиденциальности, средства выражения которых восходят к формам наподобие аудитива в одних случаях и к формам перфекта (или результата) в других. Не все из них «строго укладываются» в следующие формулы: в них содержится «эксплицитное указание на *источник сведений говорящего* относительно сообщаемой им ситуации» и «неожиданное обнаружение ситуации ... трактуется как особый способ получения информации о ней» [Плунгян, 2000, с. 321, 324]. В итоге общий список эвиденциальных значений значительно расширяется. Помимо названных выше, сюда включаются также желание говорящего «снять с себя ответственность» за достоверность сообщаемой информации, пересказ, цитирование, «заглазность», инферентив (суждение по результату), адмиратив, сомнение (предположение), визуальные и прочие сенсорные, а также *эндофорические* источники информации, презумптив, выражение общих истин [Плунгян, 2000, с. 321–325].

Выделению специальных эвиденциальных форм уральских языков всегда уделялось много внимания. Исследовались разные аспекты данной проблемы, и авторы приходили к определенным выводам по происхождению и развитию искомым форм, их функционированию и семантике в финно-угорских и самодийских

языках. Так, в отношении языков пермской и волжской групп еще со времени выхода работ Б.А. Серебrenникова установилось мнение, что выражение эвиденциальной семантики – это одна из функций определенных временных форм глагола. В частности, глубоко изучив материал коми языка, Е.А. Цыпанов писал следующее: «II прошедшее время исторически является относительно поздним образованием, возникшим на основе причастия прошедшего времени на -ом/эм, употреблявшегося в функции сказуемого». Глаголы в этой форме выражают «тройственную семантику: чисто результативную (статальный перфект), чисто эвиденциальную, неочевидную (квотатив), и смешанную, когда результативность и эвиденциальность своеобразно дополняют друг друга» [Цыпанов, 2005, с. 159, 163].

Несколько иная линия просматривается в других работах по финно-угорским и самодийским языкам: в них принято выделять эвиденциальность как отдельную, самостоятельную категорию и рассматривать уже частные значения этой сложно устроенной категории [см., напр.: Egelt, 2002; Ильина, 2013; Каксин, 2016; Урманчиева, 2016; Агранат, 2016, с. 130–138].

Материал хантыйского языка под этим углом зрения подробно рассматривает Марта Чепреги, занимающая промежуточную позицию (в ее работах употребляется термин *эвиденциальная модальность*). Судя по результатам ее исследований, как живое явление эвиденциальность представлена преимущественно в северных диалектах, тогда как в восточных диалектах она сохранилась только в фольклоре [Csepregi, 2014, с. 211].

Если исходить из общих моментов познания, то различие между двумя категориями вполне очевидно: при выражении модальности предполагается, что говорящий в курсе того, о чем он говорит (он владеет информацией, информация исходит от него, сведения принадлежат ему, знание присвоено им); при выражении эвиденциальности, напротив, говорящий намекает, что он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т.п.). Мы согласны с мнением специалистов по самодийским и финно-угорским языкам, что категория эвиденциальности (или засвидетельствованности) в этих

языках развита (грамматикализована) по сей день. А зародилась она еще в праязыке, в «первых», древних формах которого можно видеть «коммуникативно-ментальную оппозицию видимого и невидимого» [Ильина, 2013, с. 32].

В большинстве прибалтийско-финских языков данная категория исторически восходит к формам перфекта (и плюсквамперфекта):

«Специальные морфологические показатели эвиденциальности имеются только в эстонском и ливском, тем не менее в других прибалтийско-финских языках эвиденциальные значения могут выражаться грамматически (синтаксически)» [Агранат, 2016, с. 130–131].

Думаем, что определению содержательного компонента эвиденциальности может способствовать изучение исторического пути аудитива в самодийских языках: интересны не только «момент появления» этих своеобразных форм, а и причины трудностей в их использовании у современных носителей, к примеру, селькупского языка: «Сейчас, к началу XXI в., о существовании этих [аудитива, кондиционалиса и дебитива] категорий, выражаемых синтетически, с помощью определенных суффиксов, молодые даже не подозревают, хотя эти категории еще живы. Подобные факты исчезновения названных категорий объяснимы скорее всего внутриязыковыми процессами, однако нельзя исключить и влияния русского языка...» [Кузнецова, 2007, с. 58].

В последнее время в большом количестве появились работы, содержащие развернутое объяснение формального разнообразия и многофункциональности категории эвиденциальности. В частности, утвердилось мнение, что некоторые эвиденциальные значения в разных языках регулярно выражаются грамматически, специализированными формами. При этом иногда соответствующие парадигмы признаются наклонением или наклонениями (ренарратив, медиатив, адмиратив и другие). Идя в этом русле, мы склонны выделять в северных диалектах хантыйского языка отдельное наклонение «эвиденциалис». Можно констатировать, что исследователи «видят» специальное эвиденциальное наклонение только в тех языках, где эту семантику выражают морфологические синтетические формы и где объединенные подсистемы глагольных временных форм создают парадигму искомого наклонения. Если такая, строгая,

морфология отсутствует, принято считать, что эвиденциальная семантика выражается глагольными темпоральными формами, входящими в систему индикатива [Серебренников, 1960, с. 59–66; Николаева, 1990, с. 535; Козинцева, 1994, с. 100–102; Черемисина, 1998, с. 65–66; Цыпанов, 2005, с. 36–40, 114–140, 159–166; Ильина, 2009, с. 58–59].

Итак, в предшествующих исследованиях по эвиденциальности в хантыйском языке были указаны лишь основные эвиденциальные значения (адмиративные оттенки при этом отдельно не выделялись). Кроме того, в них не ставилась цель обнаружить системообразующие факторы и установить характер системы средств выражения этой важнейшей категории (в названном языке).

V. Заключение. Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы. Для формулирования содержательной стороны категории эвиденциальности (включающей субкатегорию адмиративности) можно предложить следующие дополнительные смыслы: «отгораживание / отвлечение от произносимой информации», «отрыв от действительности».

В искомом разряде единиц в казымском диалекте хантыйского языка особую роль играют частицы, выражающие удивление (при неожиданном обнаружении чего-либо), восхищение чем-либо или кем-либо (иногда также с оттенком удивления, изумления). Эти лексические средства выражения адмиративности составляют особый класс слов и должны рассматриваться в первую очередь и отдельно именно как лексемы: это единицы словаря, хотя и разные по статусу и частоте употребления. Одни включаются в состав аналитических форм или входят в круг служебных слов (как *pa* ‘же’, *mäl* ‘же; ведь’ и некоторые др.), другие вводятся в предложение в своем полном значении (*než* ‘оказывается; однако’, *mätte* ‘оказывается; якобы’ и др.).

Для выражения адмиративной семантики существуют специфические конструкции. Они, как правило, включают соответствующие лексические средства (в том числе междометия), поэтому можно говорить о наличии в казымском диалекте комбинированных семантико-синтаксических конструкций. Подобные конструкции преобладают в разговорной речи (в этом случае еще «накладывается» интонация).

Главными оттенками (или коннотациями) адмиративного значения, которые выражаются в казымском диалекте хантыйского языка, являются следующие: изумление / страх при проявлении внезапного действия, удивление при обнаружении неожиданного факта, восхищение кем-либо или чем-либо, разочарование при неожиданном обнаружении чего-либо негативного. Средства выражения адмиративности используются с разной степенью интенсивности, что связано с их функциональной спецификой, своеобразием их контекстуальной семантики. Названные группы средств казымского диалекта хантыйского языка образуют систему, но не по принципу поля: нет ядра и периферии, а все группы равны по степени значимости и употребительности, потому что приспособлены для выражения различных оттенков адмиративности.

В большинстве случаев проявлению адмиративного значения способствует употребление в предложении морфологической глагольной формы, формы с соответствующим показателем (-*m*-, -*t*- или -*am*-/*um*-). В случае отсутствия такой формы адмиративность может быть выражена при помощи лексических маркеров и интонации.

Итак, в хантыйском языке имеются разные средства выражения эвиденциальности (в т.ч. формы отдельного наклонения – эвиденциалиса). Они используются с разной степенью интенсивности, что связано с их функциональной спецификой, своеобразием их эвиденциальной семантики. Названные группы средств хантыйского языка образуют систему, но не по принципу поля: нет ядра и периферии, а все группы равны по степени значимости и употребительности, потому что приспособлены для выражения различных эвиденциальных значений. В свою очередь существование именно такой равновесной системы выражения эвиденциальности (и с таким набором средств, часть которых являются также специфическими хотя бы в своем употреблении), создает и специфику в целом – специфику эвиденциальной системы хантыйского языка.

Список литературы:

Агранат Т.Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М., 2016. 248 с.

Ильина Л.А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Лингвистический беспредел–2: Сборник научных трудов к юбилею А.И. Кузнецовой. М., 2013. С. 32–47.

Ильина Л.А. Общие черты глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. №4. С. 57–60.

Каксин А.Д. Выражение эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка: основные коннотации и формы // Мир науки, культуры, образования. 2016. №1 (56). С. 291–293.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 92–104.

Кузнецова А.И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007. 114 с.

Николаева Т.М. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 535–536.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Учебное пособие. М., 2000. 384 с.

Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. 300 с.

Скрибник Е.К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири. Выпуск 4: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1998. С. 197–215.

Урманчиева А.Ю. Аналитические формы «модального инферентива» в лесном энецком // *Linguistica Uralica*. 2016. XXII. №2. С. 122–140.

Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005. 284 с.

Черемисина М.И. Язык как явление действительности и объект лингвистики. Учебное пособие. Новосибирск, 1998. 128 с.

Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2014. XX. №3. Pp. 199–211.

Erelt M. Evidentiality in Estonian and Some Other Languages. *Linguistica Uralica*. 2002. XXXVIII. №1. Pp. 93–97.

Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten*. Band I. Budapest, 1975. 628 p.

References:

Agranat T.B. *Sravnitel'nyy analiz grammaticheskikh sistem pribaltiysko-finskikh yazykov: printsipy intrageneticheskoy tipologii* [Comparative analysis of grammatical systems of the Baltic-Finnish languages: principles of intragenetic typology]. Moscow, 2016. 248 p. (In Russian)

Cheremisina M.I. *Yazyk kak yavlenie dejstvitel'nosti i ob'ekt lingvistiki* [Language as a phenomenon of reality and the object of linguistics]. Novosibirsk, 1998. 128 p. (In Russian)

Csepregi M. *Evidentiality in Dialects of Khanty*. *Linguistica Uralica*. 2014. XXL. №3. Pp. 199–211. (In English)

Cypanov E.A. *Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke* [Grammatical categories of the verb in Komi]. Syktyvkar, 2005. 284 p. (In Russian)

Erelt M. Evidentiality in Estonian and Some Other Languages. *Linguistica Uralica*. 2002. XXXVIII. №1. Pp. 93–97. (In English)

Il'ina L.A. Identichnost' geneticheskoy struktury glagol'noj kategorii zasvidetel'stvovannosti v samodijskih i yukagirskih yazykah [Identity of the genetic structure of the verb category of attestation in Samoyed and Yukagir languages]. *Lingvisticheskij bespredel-2: Sbornik nauchnyh trudov k yubileyu A.I. Kuznecovoj*. Moscow, 2013. Pp. 32-47. (In Russian)

Il'ina L.A. Obshchie cherty glagol'noj kategorii zasvidetel'stvovannosti v samodijskih i yukagirskih yazykah [General features of the verb category of attestation in Samoyed and Yukagir languages]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2009. № 4. Pp.,57-60. (In Russian)

Kaksin A.D. Vyrazhenie evidencial'nosti v severnyh dialektah hantyjskogo yazyka: osnovnye konnotacii i formy [Expression of evidential in the northern dialects of the Khanty language: the main connotations and forms]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2016. №1 (56). Pp. 291-293. (In Russian)

Kozinceva N.A. Kategoriya evidencial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Evidential

category (typological analysis problems)]. *Voprosy yazykoznanija*. 1994. №3. Pp. 92–104. (In Russian)

Kuznetcova A.I. *Sel'kupy Turuhanskogo rajona Krasnoyarskogo kraja na rubezhe II i III tysyacheletij (sociolingvisticheskaya situaciya i yazykovye izmeneniya)* [Selkups of the Turukhansky district of the Krasnoyarsk Territory at the turn of the II and III millennia (sociolinguistic situation and linguistic changes)]. Voronezh, 2007. 114 p. (In Russian)

Nikolaeva T.M. Universalii [Universals]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, 1990. Pp. 535-536. (In Russian)

Plungyan V.A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to]. Moscow, 2000. 384 p. (In Russian)

Serebrennikov B.A. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskih yazykah permskoj i volzhskoj grupp* [Categories of time and species in Finno-Ugric languages of the Perm and Volga groups]. Moscow, 1960. 300 p. (In Russian)

Skribnik E.K. K voprosu o neochevidnom naklonenii v mansijskom yazyke (struktura i semantika) [To the question of a non-obvious mood in the Mansi language (structure and semantics)]. *Yazyki korennyh narodov Sibiri*. Vypusk 4: Sbornik nauchnyh trudov. Novosibirsk, 1998. Pp. 197-215. (In Russian)

Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Band I*. Budapest, 1975. 628 p. (In German)

Urmanchieva A.Yu. Analiticheskie formy "modal'nogo inferentiva" v lesnom eneckom [Analytical forms of the "modal interference" in the forest Enets]. *Linguistica Uralica*. 2016. XXII. №2. Pp. 122-140. (In Russian)

A.D. Kaksin

Evidential Semantics and Its Means of Expression in the Kazym Dialect of the Khanty Language

Scientific novelty. The article proposes the division of the sphere of evidential into separate components, including the allocation of separately admiration senses. The following are recognized as the main evidential meanings, grammatically framed in the Kazym dialect of the Khanty language: retelling, reference to an authoritative opinion or general truths, judgment on the action on the result (on the trail), logical conclusion expected discovery of any facts. It is specified that the last meaning (admiration) is realized in the Kazym dialect in two main versions: amazement at the sight of unexpected or unusual actions, admiration for any events, properties and qualities of others and objects.

The *aim* is to determine the place and role of various means available in the Kazym dialect of the Khanty language in the expression of evidential semantics.

Tasks: to substantiate the most important role of special verb forms in the organization of the morphological nucleus of the evidential category in the Kazym dialect of the Khanty language; to provide material on the functioning of special verb forms in basic administrative contexts; to point out the important role of other means: (having the potential to participate in the expression of the evidential senses).

The main *research method* is synchronous-descriptive. Methods of grammatical analysis and contextual analysis of text are used as auxiliary methodological tools.

Results: the most important role of the verb forms and special lexemes in expressing evidential in the northern dialects of the Khanty language is justified; semantic-syntactic constructions with the verb *vōl=m* are named as specialized (i.e. expressing mainly admiration shades); it is indicated on the constitutive role of such means of the Kazym dialect, as a certain kind of particle (*śi* ‘so; after all; here; already; well’, *neš* ‘turns out to be; however’, *pa* ‘same’), some interjections, specific intonation.

Keywords: language universals, evidential, admiration, means of expression, Kazym dialect of the Khanty language